

Души изменчивой приметы

Когда я случайно заметил, как моя студентка Екатерина Кулакова проводит линию по листу бумаги, то сразу же понял, что передо мной настоящий художник, о котором в самое ближайшее время нужно будет рассказать в «Глобусе». Встречи с талантом, в конце концов, случаются не так уж и часто, и всегда хочется быстрее поделиться радостью первооткрытия со своими единомышленниками, с вами, друзья. Но время шло, а я все откладывал и откладывал намеченный разговор, продолжал вглядываться в работы Кати, невольно следуя воображением за ее кистью. И только сегодня, в этом весеннем, предпраздничном номере, решил представить ее картины.

Это у Даниила Гранина есть такая повесть замечательная, где герой, чтобы скоротать пару часов, прячась от дождя, забегает в картинную галерею и ненароком бросает взгляд на пейзаж, который нежданно-негаданно что-то пробуждает в его душе, какое-то давнее воспоминание, какое-то утраченное уже безвозвратно, кажется, чувство. Он вникает в детали, вновь и вновь возвращается мысленно к увиденному, и из небытия начинают проступать образы его далекого деревенского детства – точно бы само время возвращается, а вместе с ним восстанавливается в усталой, измотанной, почему-либо закосневшей душе утраченный нравственный предел.

Да, живопись врачует. Цвет и свет, тяготея к гармонии, причем в самых разных формах и сочетаниях, рождают ответные согармоничные переживания. И все-таки, если бы все было так просто, то рисунок любого декоративного коврика на поминал бы человеку о самом главном, давал бы ему надежду и радость, побуждал бы к мысли. Представьте ситуацию, когда поэзию можно было бы штамповать, воспроизводить на копируемых машинах любовь, вызывать в нужный момент волнение, формировать в головах разрешенные воспоминания. Утопия? Вымысел? Фантастика? По-моему, очередное какое-нибудь застекольное шоу

говорит об обратном... А вот хрестоматийно известные строки Николая Заболоцкого исключают даже намеки на оправданность какой бы то ни было вторичности в искусстве.

*Любите живопись, поэты!
Лишь ей, единственной, дано
Души изменчивой приметы
Переносить на полотно.*

А удивительно современно сказано! В том смысле, что некоторые аксиомы восприятия прекрасного, я бы сказал даже, азы интерпретации, мы по тем или иным причинам утрачиваем. И школьникам забываем объяснять, и студентам, что стихотворение или картина только в том случае подлинны, если многомерны, если не исчерпываются односложными характеристиками, если не укладываются в привычно-обывательскую оценку: «нравится – не нравится». Образ ведь претендует на художественное обобщение, когда рожден окружающей действительностью и, более того, связан с повседневным ходом вещей. Неразрывно, кровно связан. Чичиков («шулер-Чичиков», как любил, помните, повторять шукшинский герой) – он один из нас; отзвуки «Лунной сонаты» могут вполне донестись и с привокзальной площади, как могут отразиться в самой обычной весенней луже отсветы волшебного лунного света, за которым охотился Куинджи (на его выставках, бывало, некоторые



все искали, грубо говоря, вкрученные в полотно лампочки!). Кто-то из художников не даром же пошутил, что нет ничего более повседневного, чем «Черный квадрат» Малевича. Это я к тому, что миф об отделении искусства от жизни слишком дорого может обойтись в будущем – в том числе и для образования. Поскольку только творчеству, единственному, дано объяснять необъяснимое, давать ответы на сложнейшие вопросы бытия.

И потому-то так обрадовался я, когда увидел картины Екатерины Кулаковой – студентки I курса Юридического института правового администрирования. Скажу сразу – Катя не новичок в живописи. Она имеет отличную, профессиональную, фактически, подготовку, владея самыми разнообразными техническими приемами. Да не о технике речь! Положить краску, провести линию, учесть цветовую рефлексию, соблюсти законы светотени, – все эти упительные навыки, необходимые каждому художнику как воздух, вряд ли будут интересны широкому, так сказать, зрительскому кругу. А вот впечатления, рождаемые мастерством художника, мы вполне способны обсудить.

С художниками, так уж сложилось, мне доводилось встречаться не раз, хотя сам я, что называется, и круг ровно не выведу. Помню художников-иллюстраторов, склоняющихся над строгой графикой, скрупулезных, внимательных к микродеталлям, знаком и с теми, кто любит выезжать на привольные пейзажи, волоча буквально на своем горбу кисти, краски, мольберты и попирты, даже в мастерской художника Пластова в Прислонихе посчастливилось мне побывать, о чем рассказывал в одном из номеров газеты. Понимаете, подрамники, белила, гуашь, масло, олифа, холст, уголь, карандаши разной мягкости, планшеты, кисти, например тончайшие беличьи или колонковые, – все это материал для священнодействия, наполненный сакральным значением. И людей, впитавших материю ремесла, сам его дух, всегда можно отличить по двум-трем экономно выверенным движениям, по твердости руки, по внимательному, словно бы художественно пытливому, взгляду.

Взгляд художника Екатерины Кулаковой – особенный. Посмотрите, какой цветовой проран заметила и запечатлела Катя в обычной, вроде бы, пейзажной композиции. Проселочная дорога среди поля буквально полыхает отчаянно просиненной колеей. Все в картине подчинено этому цветовому открытию: и едва ли не сказочные голубоглазые цветы цикория, и размытое ветром, полное неясных облачных разводов небо, и фрагмент куста, как бы продолжающий перспективу вида в целом. Мы можем легко догадаться о свершившихся только что грозах, о дождях, пролившихся в благоуханном деревенском июле, о телегах и машинах, по этой дороге проехавших, о людях, прошагавших по ней.

Интенсивности движения Кулакова добивается особой организацией пространства, когда неразборчивая в подробностях, как бы «плохо» прописанная даль обретает с приближением к зрителю все большую и большую проясненность – вплоть до подробной фактуры колосков, этих вездесущих среднерусских петушков-да-курочек. А уж дождевая вода в колее дана столь выпукло, что и самого неба могло быть в пейзаже поменьше – оно и так все на ладони, все перед глазами за счет своего отражения!

Знаете, когда-то, где-то, давным-давно мне доводилось идти по такой же вот летней дороге среди поля. Был июль, пахло травой и цветами, и ветер доносил из-за речки вздохи ветра. Река называлась Урень, полная кувшинок, она манила к себе какой-то неизбывной тайной, синей-пресиней – и правда что живой! – водой, а чтобы подобраться к воде, нужно было пройти как раз по такой вот дорожке, часто размытой и тяжелой, со слитками оброненного сена, с глубокими колдобинами, похожими на целые озера, отражающие небо. Может быть, поэтому я так пристально всматриваюсь в Катин пейзаж, может быть, поэтому ищу и нахожу в нем близкую лично для меня интонацию? Наверное, настоящая живопись как раз и помогает каждому человеку найти что-то родное, что-то свое, вернуться куда-то, к чему-то прислушаться

ся и наконец услышать нечто важное.

А что важно? И почему ничтожный колосок, примеченный на картине, может повлиять на нас больше, чем тысячи нотаций? Как объяснить, что вся тревога и боль мироздания, все его драматические столкновения уместились в мирном, кажется, шишкинском лесе, где рядом с лежащим деревом – медвежата? А дерево-то, дерево – надломлено! И в какое глубочайшее противоречие вступает этот тревожный надлом с беззаботной игрой, с просветленным утром в лесу! Мы видим то, чего вроде бы как и нет в картине, но оно и есть в то же время. Это необходимое условие для создания объемности образа, для воплощения идеи художника. Изображая девочку на окне, Кулакова всю ее стремится соткать из солнечного невесомого света, из лучей, из пылицы, из взвешенных частичек пыли, в конце концов! Перед нами, собственно, прежде всего световая иллюзия, а уж потом человек. И экзотическое растение лишь подтверждает материальную легковесность и условность изображения. Однако необходима была какая-то деталь, заземляющая образ. И этой деталью стал предмет обуви: вся картина получила полюсное распределение энергии – вверх, к окну, к потолку, к солнечному свету, к мечте, к поэзии, и вниз, к полу, к быту, к прозе. Вполне возможно, эта зарисовка, в будущем, станет частью большого философского холста о столкновении мечты и реальности.

Я обмолвился о будущем не случайно. Нет сомнения в том, что талант Кати, яркий и энергичный, будет развиваться, а прекрасная школа живописи, пройденная ею, только поможет в этом. Талант остается с человеком, он относится к «несокорбляемой части души», как говорил мудрец-Пришвин, а художником можно оставаться и независимо от какой-то другой выбранной профессии. Одно другому не мешает. Способность видеть прекрасное и, главное, уметь выражать на бумаге или на холсте «души изменчивой приметы» станет залогом творческого, деятельного отношения к жизни в любом случае.

Лично мне, как преподавателю, лестно, что среди сегодняшних студентов встречаются люди творчески состоявшиеся, со своим незаемным взглядом на мир. Хочу пожелать Екатерине Кулаковой новых творческих свершений и обязательных встреч с ценителями живописи. Кстати, в том же ЮИПА, руководство которого всегда поддерживает талантливых студентов, помогает им, соучаствует во всех творческих начинаниях, можно было бы провести небольшую выставку Катиных работ в ближайшее время.

Со своей стороны обязуюсь, что в «Глобусе» мы продолжим рассказывать об одаренных учениках и студентах.

Иван ПЫРКОВ

